

Глава 40

Утром Чу Ван, как обычно, присутствовал на аудиенции. Когда чиновники уже начали расходиться, его окликнул коллега лет пятидесяти.

— Господин Чу, задержитесь на мгновение!

Несмотря на то что собрание длилось более часа, министр выглядел безупречно: его одеяние не утратило свежести, а сам он, казалось, ничуть не утомился. Из-за природной склонности к холоду юноша почти не потел, и в глазах окружающих его облик оставался всё таким же возвышенным и бесстрастным. Взор его был ясен, а осанка — пряма.

Его коллега, напротив, обливался потом. Пытаясь нагнать собеседника, он сорвался на мелкий бег, отчего полы официального халата едва не волочились по земле, грозя запутаться под ногами.

Дождавшись, пока тот подойдет ближе, Чу Ван мягко произнес:

— Господин Цай, что-то случилось?

Министр наказаний Цай, внешне удивительно напоминавший добродушного смеющегося Будду, даже сквозь одышку ухитрился улыбаться так, что глаза его превращались в узкие щелочки.

— Господин Чу... давайте поговорим по дороге.

Чу Ван, испытывая невольное уважение к его упорству и в то же время опасаясь за здоровье почтенного мужа, кивнул и замедлил шаг.

— Господин Чу, — начал Цай, — пятнадцатого числа состоится праздник любования лотосами. Не желаете ли вы почтить его своим присутствием?

Молодой человек, никогда не питавший любви к шумным сборищам, покачал головой:

— Пятнадцатого у меня дела в поместье. Благодарю за приглашение, я получил карточку, но участвовать не планировал.

Господин Цай поспешно возразил:

— Вы, верно, не знаете, что ежегодный праздник лотосов — это не просто гулянье, а возможность для молодых людей и знатных дев найти достойную пару. Вы молоды, талантливы

и уже добились высокого положения; самое время задуматься о женитьбе. Мы, старики, конечно, мешаться не станем, но, не скрою, у меня есть дочь, которой в этом году исполнилось шестнадцать...

— Господин Цай, — Чу Ван прервал его на полуслове, в его голосе прозвучало легкое разочарование, — я уже женат и не планирую брать наложниц.

Министр наказаний от изумления даже перестал улыбаться.

— Неужели и впрямь женаты?

Его собеседник прищурился, в тоне проскользнула холодная ирония:

— Разве в таких делах лгут?

Господин Цай на мгновение замер, растерянно моргая.

— Что ж... тогда прошу простить мою навязчивость. Доброго пути, господин Чу.

Министр ритуалов, не желая продолжать беседу, коротко поклонился и направился к выходу. Его спина была прямой, словно молодой бамбук, пробивающийся сквозь камни.

Проводив его взглядом, господин Цай еще некоторое время стоял в раздумье, пока к нему не подошел другой чиновник.

— Ну что, — спросил тот, — что ответил господин Чу?

Цай со вздохом покачал головой:

— Опять заладил, что женат. Отказал.

Собеседник усмехнулся:

— Советую вам оставить эту затею. И неважно, есть у него супруга на самом деле или нет — ясно одно: ваша дочь ему не по душе.

Господин Цай возмутился:

— И чем же моя дочь плоха?!

Тот лишь негромко рассмеялся:

— Вы с ним в одном чине, но сколько лет вам и сколько — ему? Пусть он не участвует в дворцовых интригах, но именно за это он и стал любимцем Его Величества. Пройдет еще пара лет, и он взлетит еще выше. Господин Цай, признайте: вы метите слишком высоко.

Министр наказаний гневно сверкнул глазами, но возразить было нечего. Коллега был прав: Чу Ван в свои годы уже возглавлял Министерство ритуалов. Ни один из нынешних министров не мог похвастаться столь стремительным взлетом. Получив звание чжуаньюаня в двадцать три года, он за семь лет достиг небывалых высот.

— Замолчи уж, — буркнул Цай.

Тот, ничуть не обидевшись, понизил голос:

— Послушайте моего совета, господин Чу — не самый лучший выбор в зятя. Не стоит так за него цепляться.

— Вот как? Почему ты так считаешь?

Собеседник многозначительно покачал головой:

— Еще со времен столичных экзаменов этот юноша твердит, что взял жену в родных краях. Но скажите мне: слышал ли кто-нибудь за все эти годы, кто она такая? Где она?

— Ну... — замялся Цай, — дела внутренние, откуда нам знать?

— Вот именно, — подхватил чиновник. — Супруги знатных мужей постоянно устраивают встречи и приемы. Приглашения в дом господина Чу посылали не раз, их принимали, но ни одна душа от него так и не явилась. Одно из двух: либо он считает свою «первую жену» слишком простой и неотесанной, чтобы показывать её свету, и она так и осталась в глуши; либо никакой жены нет и в помине, а это лишь удобный предлог, чтобы не связывать себя брачными узами. В обоих случаях — хорошего мало.

Господин Цай нахмурился:

— Откуда тебе всё это известно?

— Вы что, единственный, кто метит в его тести? — удивился тот. — Даже Гэлао хотел выдать за него свою старшую внучку, и тот получил отказ!

Услышав, что самому старейшине павильона дали от ворот поворот, господин Цай почувствовал странное облегчение и окончательно оставил свои притязания.

Чу Ван и не подозревал, какую дурную славу он снискал в пересудах. Пожалуй, из-за того, что холостых чиновников столь высокого ранга можно было пересчитать по пальцам одной руки, его едва ли не каждый месяц пытались сосватать. Всякий раз ему оставалось лишь с горькой усмешкой напоминать окружающим, что он давно не является завидным холостяком.

Несмотря на легкое раздражение, он привык к подобным расспросам.

В свое время из-за трехлетнего траура по матери Чу Ван пропустил очередные экзамены. Лишь спустя четыре года он предстал перед комиссией, став Аньшоу на окружных испытаниях в Цанбэе, после чего отправился в столицу. Но еще перед началом Хуиши он официально сочетался браком с Чэн Янем, зарегистрировав союз в управе округа Цанбэй.

Поскольку закон запрещал «мужским женам» претендовать на чины и звания, Чэн Янь, не задумываясь, согласился принять этот статус ради карьеры возлюбленного. Вспоминая об этом сейчас, Чу Ван всё еще чувствовал, как в груди разливается тепло.

У них не было пышного торжества. Родители Чу Вана давно покинули этот мир, поэтому перед отъездом в столицу они лишь устроили скромный семейный обед вместе с семьей Чэн. Юноша опасался, что родные мужа выступят против такого союза, но Чэн Янь подготовил почву заранее, и отец благословил их. Более того, тогда Чэн Цайцзюнь вручил ему крупную сумму денег и ценности, заявив, что это — те самые дары, которые он когда-то приберет для свадьбы Чу Вана, а теперь они станут «приданым» его собственного сына...

Затем последовали три победы на экзаменах подряд, служба при дворе и неуклонное возвышение. И мало кто знал, что за каждым его успехом на государственном поприще неизменно стояла тень Чэн Яня.

После аудиенции Чу Вану предстояло вернуться к делам ведомства, но мысли его всё чаще возвращались к супругу. Несмотря на годы, проведенные вместе, даже недолгая разлука заставляла его тосковать.

Сейчас Министерство ритуалов занималось обновлением дипломатических архивов прошлых лет, и работу следовало завершить к началу Великих празднеств. Сроки поджимали, и министру часто приходилось засиживаться допоздна, обедая и ужиная прямо за рабочим столом.

Вернувшись в ведомство, он провел короткое совещание, проверил успехи подчиненных и с головой погрузился в бумаги. В последние дни Чэн Янь, чьи дела стали требовать меньше личного присутствия, нет-нет да и ворчал на его вечную занятость. Чу Ван чувствовал вину;

ему и самому хотелось проводить больше времени дома. Пообещав себе ускориться, он надеялся вернуться в поместье хотя бы сегодня пораньше.

Миновал полдень, когда Чу Ван наконец отложил в сторону увесистый том проверенных документов и устало потер переносицу.

В этот момент вошел помощник:

— Господин, из Башни Восхождения к Бессмертным снова доставили ужин.

Юноша на мгновение замер, а затем поднялся:

— Прибери здесь, я поем.

Подчиненный, привыкший к таким поручениям, кивнул. Видя, что начальник в добром расположении духа, он не удержался от вопроса:

— Господин, позвольте полюбопытствовать: почему из этой ресторации каждый день привозят еду точно к сроку?

Поначалу он думал, что господин Чу сам заказывает эти блюда, и поражался его достатку. Пусть чиновники в столице и могли позволить себе Дэнсяньлоу, но лакомиться там ежедневно... это было не по карману даже многим вельможам. Ведь это заведение по праву считалось одним из самых дорогих в столице!

Обычно Чу Ван не задерживался в ведомстве, и его финансовое положение не привлекало внимания. Лишь теперь, когда он стал ужинать в министерстве, помощник осознал истинный масштаб возможностей своего начальника. К тому же ходили слухи, что Башня никогда не доставляет еду на дом, а значит, господин Чу платил втридорога за подобную исключительность. В последние дни мужчина заметил, что министр даже не знает, что именно ему привезли — заказ явно делал кто-то другой.

Чу Ван улыбнулся, и в его глазах блеснула нежность:

— Это домашние заботятся обо мне.

Деньги открывают многие двери, и даже если ресторан не занимался доставкой, Чэн Янь предложил такую сумму, от которой невозможно было отказаться. Супруг даже порывался заказывать еду из разных мест, чтобы разнообразить стол, но Чу Ван вовремя его остановил.

Такое поведение всё же было слишком вызывающим. Спустя несколько дней на утренней аудиенции министр получил жалобу от цензора. Тот во всеуслышание заявил, что из

Министерства ритуалов доходят слухи о чрезмерно роскошном образе жизни господина Чу. По его словам, на одно жалование чиновника невозможно ежедневно заказывать яства из Башни Восхождения к Бессмертным, а значит, Чу Ван замешан в лихоимстве.

Министерство ритуалов считалось одним из самых бедных ведомств, но те, кто занимал высокие посты, всегда были на виду. Столь дерзкая трата средств заставила многих усомниться в честности министра. Он не примыкал ни к одной из фракций, не имел могущественных покровителей или влиятельных земляков; его стремительное возвышение было обязано лишь воле императора, что вызывало зависть и требовало от него предельной осторожности.

Император, ознакомившись с доносом, перевел взгляд на Чу Вана:

— Верный наш подданный Чу, желаешь ли ты что-то сказать в свое оправдание?

Тон государя был спокойным, лишенным суровости — он ценил своего министра. К тому же император считал, что если человек трудится дотемна, то пара заказанных обедов — невеликий грех.

Чу Ван поклонился и ровным голосом ответил:

— Семья моего супруга из поколения в поколение занимается торговлей, и Башня Восхождения к Бессмертным тесно сотрудничает с их торговым домом. Поскольку в последнее время я не имею возможности возвращаться домой к трапезе, мой супруг распорядился доставлять мне еду. Все расходы оплачены из его личных средств, а не из моего жалования.

В зале воцарилась тишина. Редко кому из чиновников хватало смелости вот так, перед всеми, признать, что он живет за чужой счет...

Император первым нарушил молчание:

— Так ты и впрямь женат, Чу?

Тот вздохнул, не скрывая недоумения:

— Меня часто об этом спрашивают, и я не перестаю удивляться — почему мои многократные заверения до сих пор вызывают сомнения?

Стоявший рядом господин Цай тут же вставил:

— Всё потому, что никто и никогда не видел твою супругу. Ты упоминаешь о ней, но она ни разу не появилась на встречах жен высших чинов. Отсюда и толки.

Окружающие закивали. Кто-то добавил:

— Я помню, господин Чу вступил в брак еще до службы. Прошло семь лет, но мы не слышали о наследниках. Это и впрямь наводит на размышления... — Договорив, чиновник осекся, поняв, что затронул слишком личную тему. Он поспешил затеряться в толпе.

Чу Ван замер, а затем его лицо приняло выражение бесконечной усталости:

— Прошу Его Величество выслушать меня.

Императору, похоже, и самому стало любопытно, он милостиво махнул рукой:

— Говори.

— Я действительно женат, — отчетливо произнес Чу Ван. — Однако мой супруг — мужчина. По этой причине он не посещает приемы для дам, и по этой же причине у нас не может быть детей. Прошу почтенных господ принять это к сведению и впредь не строить догадок.

Едва он договорил, как по залу пролетел гул голосов, подобный шуму внезапно поднявшегося ветра. Даже император не ожидал такого ответа. Пусть сведения о браке Чу Вана и хранились в архивах, никто не удосужился проверить детали; даже зная о его женитьбе, никто и помыслить не мог о мужском союзе.

На самом деле браки между мужчинами в империи были законны и не были редкостью, но чаще всего мужчину брали в дом как наложника. Из-за потери социального статуса лишь немногие соглашались на роль «супруги». Чиновники же, если и имели подобных фаворитов, предпочитали не афишировать это, опасаясь насмешек со стороны ревнителей древних обрядов.

Признание Чу Вана еще долго обсуждали в столице. Однако, поскольку он оставался в фаворе у государя, никто не осмеливался порицать его в лицо. Напротив, многие стали восхищаться его верностью: достигнув поста министра, он не оставил своего мужского супруга, что в глазах общества превратилось в трогательную историю о преданности. Со временем это даже привело к смягчению нравов, и еще несколько чиновников открыто признались в своих пристрастиях, не встретив осуждения.

Но в тот день Чу Ван стал главной мишенью для любопытных взглядов. Даже покидая дворец, он чувствовал, как за его спиной шепчутся. Теперь-то уж точно никто не захочет выдать за него дочь. Сына, впрочем, тоже — зато могли найтись желающие предложить ему «сожителя»...

— Господин Чу!

По пути к воротам его снова окликнули. Обернувшись, юноша узнал в подошедшем старого сокурсника по Академии Битань. Это учебное заведение пользовалось почетом в округе Цанбэй, но в масштабах всей страны было малоизвестным. В столице сейчас служили лишь трое выходцев из Битани, и, за исключением Чу Вана, все они занимали мелкие должности. Окликнувший его господин Ян был одним из них.

— Господин Ян, у вас какое-то дело? — Чу Ван не выказал высокомерия, его тон был по-прежнему спокойным.

Тот пошел рядом:

— Господин Чу, только сегодня на аудиенции я узнал, что вы женаты.

— Я вступил в брак еще в Цанбэе, — ответил Чу Ван. Впрочем, он пока не уточнял, кто именно стал его избранником, хотя собеседник наверняка помнил Чэн Яня, ведь его уход из академии в свое время наделал немало шума.

Не успел министр продолжить, как господин Ян спросил:

— Вы помните Мэн Чэньхуэя? Он учился вместе с нами.

Чу Ван на мгновение задумался. Это имя он не слышал уже очень давно, но забыть его было трудно.

— Конечно помню. А что с ним?

Он смутно припоминал, что из-за траура сам сдавал экзамены на три года позже, но Мэн Чэньхуэй должен был попытать счастья в первый же год. Однако в тот раз Мэн не вернулся в академию. Поговаривали, что его обман с «благородным происхождением» раскрылся, и он не выдержал косых взглядов.

Позже доходили слухи о его судьбе. В первый год он с треском провалил окружные экзамены. Спустя три года, когда сдавал Чу Ван, они могли быть в одном списке, но юноша не следил за ним. Лишь много позже он услышал, что Мэн провалился и во второй раз. После Чу Ван перебрался в столицу, и дела государственной важности окончательно вытеснили Мэн Чэньхуэя из его памяти.

Ян понизил голос:

— Помните, тогда выяснилось, что он всего лишь брат наложницы Цзюньтайшоу округа Цанбэй? Так вот, два года назад того главу округа сняли с должности за бесчинства — люди дошли с жалобами до самого Сюньфу.

Чу Ван кивнул:

— Да, я слышал об этом.

— Семья Мэн жила только за счет милости того чиновника, — продолжал Ян. — Когда покровитель пал, они мгновенно разорились. Говорят, в тот год Мэн Чэньхуэй снова пошел на экзамен, но новый Цзюньтайшоу, узнав о его прошлом, вычеркнул его имя из списков.

Чу Ван нахмурился:

— Это невозможно. Экзамены — дело государственное, никакой местный чиновник не посмеет менять списки по своему капризу. К тому же Мэн Чэньхуэй не был виноват в делах того, кто взял его сестру в наложницы.

Ян усмехнулся:

— Вот и я говорю — невозможно. Но это то, что рассказывает сам Мэн Чэньхуэй.

Министр в изумлении округлил глаза:

— Ты видел его?

Лицо Яна мгновенно изменилось, он замахал руками:

— Видеть — не видел, упаси небо! — Переведя дух, он добавил: — Господин Чу, вы не поверите... После того как Мэн Чэньхуэй провалился в третий раз, он возомнил себя «непризнанным гением» и бросил учение. И знаете, чем он теперь промышляет? Он стал сказителем в одной из чайных Цанбэя!

Чу Ван на мгновение лишился дара речи. Он никак не мог представить себе заносчивого Мэна, машущего веером перед толпой зевак. От этой картины он не выдержал и негромко рассмеялся.

Ян подхватил:

— Вот-вот! И я о том же!

Чу Ван, взяв себя в руки, сдержал смех:

— Неужели дела семьи Мэн настолько плохи?

— У них никогда не было своего дела, — покачал головой Ян. — А Мэн Чэньхуэй, как-никак, туншэн, так что в чайной он нарасхват. Говорят, его истории пользуются успехом!

— Небось рассказывает, как его коварно лишили места в списке? — предположил министр.

Ян подтвердил:

— Именно так! И слушателям нравятся такие байки о гонимых талантах.

— Нынешний глава округа на редкость милостив, раз терпит такие речи.

Ян хитро прищурился и прошептал:

— А знаете, почему он не трогает Мэна? У него есть новая «история». Мэн Чэньхуэй любит рассказывать, что в годы учения в академии он был неразлучен с нынешним чжуаньюанем, который якобы души в нем не чаял и с которым у них был... весьма пылкий роман.

Чу Ван окончательно опешил:

— Что?..

Ян заговорщицки подмигнул:

— Господин Чу, скажите мне по секрету... в словах Мэн Чэньхуэя есть хоть капля правды?

Министр помолчал несколько секунд, а затем в его голосе, обычно таком прохладном, зазвучали нотки гнева:

— Сейчас же иду писать письмо главе округа Цанбэй!

<http://bllate.org/book/15870/1499402>